

Лермонтов и медики — как много мы знаем о поэте и как мало обращаем внимание на людей, окружавших гения, в том числе и на медиков. Врачи, фельдшера — кто они? О ком-то известно больше, о ком-то — меньше, кто-то промелькнул незаметным штришком в жизни поэта, кто-то оставил заметный след, кто-то стал прототипом в произведениях поэта.

Итак...

АРЕНДТ Николай Федорович

Родился 23.04(04.05).1786 в Казани — умер 02(14).10.1859 в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

Тайный советник (1849), доктор медицины и хирургии, лейб-медик (1829). Сын штаб-лекаря Федора Ивановича Арендта (1755—1797), происходившего из семьи немецкого ремесленника.

Получил первоначальное домашнее образование. В феврале 1801 года поступил в Московское отделение Императорской Медико-хирургической академии, по закрытии которой, в сентябре 1804 года, переведен в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (окончил с отличием в августе 1805 года кандидатом хирургии 1-го отделения, с награждением серебряным карманным набором хирургических инструментов — награда эта соответствовала учрежденной позднее золотой медали). Был причислен к Санкт-Петербургскому генеральному госпиталю. В апреле 1806 года определен лекарем в Навагинский пехотный полк, в рядах которого принял участие в войне с Францией (1806—1807), а затем в Русско-шведской войне (1808—1809). Ряд кровопролитных сражений, в которых в качестве врача участвовал Арендт, доставил ему обширную хирургическую практику, благодаря которой он стал искусным хирургом.

В декабре 1809 года получил от императора Александра I бриллиантовый перстень. Во время Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии (1813—1814) в качестве врача он участвовал во многих сражениях и был утвержден лекарем 1-го класса, дивизионным врачом 13-й пехотной дивизии, затем — исполняющий делами штаб-доктора 1-го пехотного корпуса. После взятия союзными войсками Парижа (март 1814 года), он пробыл в нем до марта 1815 года в должности главного врача остававшихся во Франции русских войск. Возвратившись в Россию, назначен дивизионным врачом 12-й дивизии и состоял в этой должности до сентября 1819 года, когда был переведен из армии в гвардию и назначен исполняющим делами старшего доктора гвардейской кавалерии; с января 1820 года по март 1826 года — в качестве главного доктора управлял Санкт-Петербургским артиллерийским госпиталем.

В октябре 1821 года «за усердную и долговременную службу, равно как и за совершенное его познание медицины и хирургии, доказанное многократным производством всех операций» Высочайше утвержден, без экзамена, в звании «доктора медицины и хирургии». В декабре 1821 года назначен членом Медицинского совета при Министерстве духовных дел. Смело брался за самые сложные хирургические операции. Слава о нем, как о хирурге-виртуозе распространилась далеко за пределами России. В 1824—1848 годах состоял членом Санкт-Петербургского Английского собрания. В марте 1827 года определен главным доктором заведений Санкт-Петербургского приказа общественного призрения.

В январе 1829 года император Николай I тяжело заболел, и его быстро вылечил Арендт, за что в апреле того же года он был назначен лейб-медиком. С этого времени в течение десяти лет Арендт неотлучно находился при императоре, сопровождая его во всех поездках по России и за границей. В 1829—1836 годах присутствовал на Медицинском совете. В июле 1831 года причислен к Главному штабу, в 1844 году назначен помощником медицинского инспектора, в январе 1847 году — медицинским инспектором ведомства императрицы Марии. В 1839 году получил чин действительного статского советника, в 1849 году — тайного советника. За службу удостоен ряда высших российских орденов до ордена Белого орла включительно (1855).

По отзывам современников, Арендт пользовался огромной популярностью и имел обширную практику: он работал с утра до вечера, «проводя почти целый год в коляске». Арендт был приглашаем всюду. «От него надеялись спасения еще тогда, когда все медики произносили неумолимый приговор. Его практика все более увеличивалась многочисленными бедняками, которые знали, что Арендт, приезжая в недостаточное семейство, готов сам доставить больному средства для получения лекарства по прописанному ими рецепту. Когда годы и нездоровье не позволяли Арендту посещать больных, его приемная была полна людьми, надеявшимися лишь у него найти спасение».

По словам князя В. П. Мещерского, Арендт: *«...прекрасный врач и еще более прекрасный человек... Его прозвали Ангелом больных. Этот старик, белый как лунь, не знал отказа больным, и не знал различия между бедными и богатыми, между знатным и последним смертным. Это была легендарная личность. До конца жизни он давал право каждому будить его ночью, и куда бы то ни было ехать. Я помню, как у нас в доме он произвел на нас сильное впечатление, рассказав, как в эту ночь он был обеспокоен: усталый, он вечером брал ванну, но только что вошел в ванну и собрался потом выспаться, как пришли ему сказать про больного на Васильевском острове; пришлось вылезать из ванны, одеться и скакать к больному в 20 градусов мороза...»*.

В январе 1837 Арендт руководил лечением раненого на дуэли А. С. Пушкина, и был в последние дни поэта посредником между ним и императором Николаем I.

Женат дважды: на Марии Яковлевне N (умерла в 1848 году); на Генриетте Ричардовне Шиллингворт. От второго брака имел детей: Николая Николаевича (1850—?), Федора Николаевича (1852—?), Владимира Николаевича (1855—?), Марию Николаевну (1853—?).

Литературных работ он после себя не оставил. Обзор его главнейших операций сделан Никитиным в «Северной Пчеле», 1851 год, № 139.

Арендт лечил Лермонтова в 1832 году, приходя к нему раз в неделю, когда того в манеже Школы юнкеров лошадь ударила в правую ногу, расшибив ее до кости. Лермонтов лежал в лазарете, а затем в доме своей бабушки.

В конце января 1837 года Арендт дважды был у заболевшего («слег в простуде») Лермонтова — ничего опасного не нашел, велел пить чай с малиной и не выходить из дому до его разрешения, рассказал ему подробности дуэли и смерти Пушкина.

Из воспоминаний Владимира Петровича Бурнашева (1809—1888) — литератор, мемуарист, автор статей по сельскому хозяйству.

«...С старушкой нашей Лермонтов, конечно, не спорил, а только кусал ногти и уезжал со двора на целые сутки. Бабушка заметила это и, не желая печалить своего Мишу, ни слова уже не говорила при нем о светских толках; а эти толки подействовали на Лермонтова до того сильно, что недавно он занемог даже. Бабушка испугалась, доктор признал расстройство нервов и прописал усиленную дозу валерьяны: заехал друг всего Петербурга добрейший Николай Федорович Арендт и, не прописывая никаких лекарств, вполне успокоил нашего капризного больного своею беседою, рассказав ему всю печальную эпопею тех двух с половиною суток с двадцать

седьмого по двадцать девятое января, в которые пострадал раненый Пушкин. Он все, все, все, что только происходило в эти дни, час в час, минуту в минуту, рассказал нам, передав самые заветные слова Пушкина. Наш друг еще больше возлюбил своего кумира после этого откровенного сообщения, обильно и без искусственно вылившееся из доброй души Николая Федоровича, не умевшего сдерживать своих слов...».

АРМФЕЛД Александр Осипович

Родился 18.02(02.03).1806 в Москве — умер 12(24).03.1868 (по другим данным 15.10.1877) в Москве, похоронен на 13 участке Ваганьковского кладбища в Москве (могила утрачена). Русский ученый-медик, ординарный профессор Московского университета, доктор медицины, действительный статский советник. Из семьи служащего таможи. Воспитывался дома, с 1818 года — в Дерптской гимназии. После получения среднего образования, в 1821 году поступил в Дерптский университет, но с марта 1823 года учился на отделении (факультете) врачебных или медицинских наук Московского университета. По окончании курса 11 сентября 1826 году со степенью лекаря 1-го отделения с отличием поступил с 12 октября на службу в Хирургический институт при Московском университете.

В 1826—1834 годах занимался практической медициной: состоял помощником директора Хирургического института и ординатором (с 1830) при университетской больнице. В 1833 году А. О. Армфельд защитил диссертацию «*О расширении или аневризме сердца*» и получил степень доктора медицины. В 1834 году отправился для усовершенствования на три года за границу и по возвращении, в 1837 году, вступил в должность ординарного профессора кафедры судебной медицины. С 1839 года до конца жизни Армфельд состоял инспектором классов Сиротского института Московского воспитательного дома.

Кроме небольших статей, появлявшихся в разных периодических изданиях, зачастую без его подписи, ему принадлежат следующие труды: «*De dilatatione cordis. Dissertatio inauguralis*» (Москва, 1833); «*De finibus certorum et probabilium in responsis medicorum forensium*» (1848).

С 31.07.1853 — действительный статский советник; с 1859 года — заслуженный профессор Московского университета. Лекции А. О. Армфельда отличались высоким литературным стилем, изящным изложением предмета. Он одним из первых подал голос за допущение женщин к обучению в университете. Преподавал А. О. Армфельд до 1862 года. С 1863 года — в отставке.

А. О. Армфельд был постоянным посетителем литературного салона А. П. Елагиной, где встречались выдающиеся представители русской интеллигенции: Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Огарев, Герцен, Пирогов и многие другие. В доме Армфельда часто бывали Гоголь, Лермонтов, Щепкин и др. А сам А. О. Армфельд находился в течение многих лет под негласным надзором полиции.

9.05.1839 на обеде у М. П. Погодина в день именин Н. В. Гоголя среди приглашенных были М. Ю. Лермонтов и А. О. Армфельд. Лермонтов после обеда читал наизусть Гоголю и другим отрывок из новой своей поэмы «Мцыри».

Жена (с 1841) — Анна Васильевна Дмитревская (1821—07.02.1888). У Армфельда было девять детей (пятеро сыновей и четыре дочери), но только четверо дожили до зрелых лет.

БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ Иван (Иоганн) Егорович

Родился в 1811 году — умер в 1879 году.

Внучатый племянник генерал-фельдмаршала М. Б. Барклая-де-Толли.

Обучался медицине в Московском и Дерптском университетах. Служил лекарем

в Минском пехотном, Ставропольском егерском и в 135-м пехотном Керчь-Таманском полках, ординатором в Пятигорском и Одесском военных госпиталях.

Барклай-де-Толли являлся лечащим (курсовым) врачом Лермонтова во время лечения поэта серными источниками в Пятигорске в 1841 году. 15.06.1841 подписал медицинское свидетельство, благодаря которому Лермонтов получил возможность продолжать лечение в Пятигорске.

Два свидетельства о смерти поэта выдал также Барклай-де-Толли. Первое из них (№ 34) без описания раны составлено по запросу П. М. Александровского 16 июля. Второе (№ 35) от 17 июля было лишь официальным документом для следственного дела и составлялось Барклаем-де-Толли в день похорон; на основании наружного описания раны удостоверяться, что поэт «мгновенно на месте поединка помер», что подвергают сомнению некоторые советские медики.

Из воспоминаний Николая Ивановича Лорера (1795—1873) — декабрист, в 1837 году был переведен из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ и за отличие в боях произведен в 1840 году в прапорщики:

«...Устроившись немного, я начал прискивать себе доктора, чтобы, посоветовавшись с ним, начать пить какие-нибудь воды. По рекомендации моего товарища вскоре явился ко мне молодой человек, доктор, по имени Барклай-де-Толли. Я тогда сказал моему эскулапу: «Ежели вы такой же искусник воскрешать человечество, каким был ваш однофамилец — уничтожить, то я поздравляю вас и наперед твердо уверен, что вылечусь». К сожалению, мой доктор себя не оправдал впоследствии, и вероятно, не поняв моей болезни, как бы ощупью, беспрестанно заставлял меня пробовать разные воды. Наконец опыты эти мне надоели, и я с ним простился...».

23 мая 1841 года Лермонтов самовольно прибыл в Пятигорск и добился разрешения задержаться для лечения на минеральных водах...

Из воспоминаний Павла Андреевича Висковатова (1842—1905) — русского историка литературы, биографа Лермонтова:

«...Тотчас по приезде Лермонтов стал изыскивать средства получить разрешение остаться в Пятигорске. Он обратился к услужливому и «на все руки ловкому» Найтаки, и тот привел к нему писаря из Пятигорского комендантского управления Карпова, который заведовал полицейскою частью и списками вновь прибывающих в Пятигорск путешественников и больных. Он составил рапорт на имя пятигорского коменданта, в котором Лермонтов сказывался больным. Комендант Ильяшенков распорядился об освидетельствовании Михаила Юрьевича в комиссии врачей при Пятигорском госпитале. «Я уже раньше, — рассказывал нам г. Карпов, — обделал дельце с главным нашим лекарем, титулярным советником Барклай-де-Толли». Лермонтов и Столыпин были признаны больными и подлежащими лечению минеральными ваннами».

Лермонтов представил справку о необходимости лечиться именно минеральными водами в Пятигорске:

«Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев, сын Лермонтов, одержим золотухою и цынготным худосочием, сопровождаемых припухлостью и болью десен, также изъязвлением языка и ломотою ног, от каких болезней г. Лермонтов, приступив к лечению минеральными водами, принял более двадцати горячих серных ванн, но для облегчения страданий необходимо поручику Лермонтову продолжать пользование минеральными ваннами в течение целого лета 1841 года: остановленное употребление вод и следование в путь может навлечь самые пагубные следствия для его здоровья».

В удостоверение чего подписью и приложением герба моей печати свидетельствую, гор. Пятигорск, июня 15-го 1841 года.

Пятигорского военного госпиталя ординатор, лекарь, титулярный советник Барклай-де-Толли».

Из воспоминаний Николая Павловича Раевского (дата рождения неизвестна — умер в 1889 году) — знакомый Лермонтова, офицер, прикомандированный в 1837 году к Навагинскому пехотному полку для участия в экспедиции против горцев. После ее экспедиции назначен в Тенгинский пехотный полк. Летом 1841 года жил в Пятигорске, занимая комнату во флигеле дома Верзилиных:

«...Когда тело привезли, мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой стол и накрыли его скатертью. Когда пришли обмывать тело, сюртук невозможно было снять, руки совсем закоченели. Правая рука, как держала пистолет, так и осталась. Нужно было сюртук на спине распороть, и тут мы все видели, что навывлет пуля проскочила...».

Два свидетельства о смерти поэта выдал также Барклай-де-Толли. Первое из них (№ 34) без описания раны составлено по запросу П. М. Александровского 16 июля:

«Тенгинского пехотного полка поручик М. Ю. Лермонтов застрелен на поле близ горы Маишук 15 числа сего месяца и, по освидетельствовании им, тело может быть предано земле по христианскому обряду».

Второе (№ 35) от 17 июля было лишь официальным документом для следственного дела и составлялось им в день похорон:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО № 35

Вследствие предписания конторы пятигорского военного госпиталя от 16 июля за № 504, основанного на отношении пятигорского окружного начальника господина полковника Ильишенкова от того же числа с № 1352, свидетельствовал я в присутствии исследователей:

- а) пятигорского плац-майора 2-на подполковника Унтилова;*
 - б) пятигорского Земского суда заседателя Черепанова;*
 - в) исправляющего должность пятигорского стряпчего Ольшанского 2-го и находящегося за депутата корпуса жандармов господина подполковника Кушинникова;*
- тело убитого на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова.*

При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребра с хрящом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе прорезала мягкие части левого плеча, от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка помер. В удостоверение чего общим подписом и приложением герба моего печати свидетельствуем.

Город Пятигорск, июля 17-го дня 1841 года.

Пятигорского военного госпиталя ординатор

Лекарь титулярный советник Барклай де Толли.

При освидетельствовании тела находились:

Плац-майор подполковник Унтилов.

Заседатель Черепанов.

Исполняющий должность окружного стряпчего

Ольшанский 2-й.

Корпуса жандармов подполковник Кушинников.

На основании наружного описания раны удостоверилось, что поэт «мгновенно на месте поединка помер».

В рассматриваемое время при осмотре тела врачи руководствовались «Наставлением врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел», утвержденным Медицинским советом в 1829 году. Параграф 1-й «Наставления» поименованный «Важность вскрытия мертвых тел», гласит: «Осмотр мертвых тел и заключение по

оному о причине смерти есть одна из важнейших обязанностей судебного врача. На его мнению нередко основывается приговор, решающий честь, свободу и жизнь подсудимого». Согласно параграфу 24, осмотр мертвого тела делится на две части: осмотр наружный и внутренний, или анатомическое вскрытие тела.

Барклай-де-Толли ограничился лишь осмотром наружным, видимо, посчитав обстоятельства и причины смерти очевидными. В любом случае составленное им судебно-медицинское заключение о смерти М. Ю. Лермонтова далеко не в полной мере соответствует указанному «Наставлению».

ГАСОВСКИЙ, КУКУШКИН, УШАКОВ

Константин Андреевич Гасовский — штаб-лекарь в юнкерской школе.

Из воспоминаний Ивана Васильевича Анненкова (1814—1887), генерал-адъютанта (брат литератора П. В. Анненкова); учился в 1831 году в юнкерской школе, затем служил в Конной гвардии.

«...Для примера позволю себе сказать, что Бибиков, тот самый юнкер, хорошо приготовленный дома в науках, который ничему не учился в школе и вышел первым по выпуску, проиграл одному юнкеру десять тысяч рублей — сумму значительную по тому времени. Нужно заметить при этом, что распроигрался он так сильно не в самом эскадроне, а в школьном лазарете, который был в верхнем этаже и имел одну лестницу с эскадроном. Лазарет этот большей частью был пустой, а если и случались в нем больные, то свойство известной болезни не мешало собираться в нем юнкерам для ужина и игры в карты. Доктор школы Гасовский известен был за хорошего медика, но был интересен и имел свои выгоды мирволить анкерам. Старший фельдшер школы Ушаков любил выпить, и юнкера, зная его слабость, жили с ним дружно. Младший фельдшер Кукушкин, который впоследствии сделался старшим, был замечательный плут. Расторопный, ловкий и хитрый, он отводил заднюю комнату лазарета для юнкеров, устраивал вечера с ужинами и карточной игрой, следил за тем, чтобы юнкера не попались, и надувал их сколько мог. Не раз юнкера давали ему потасовку, плачивались за это деньгами и снова дружились. Понятно при этом, что юнкера избрали лазарет местом своих сборищ, где и велись крупная игра...».

В последних числах ноября 1832 года во время занятий в манеже Лермонтова одна из лошадей ударила копытом в правую ногу ниже колена.

Из книги Виктора Афанасьева «Лермонтов»:

«...Очнулся он в лазарете, на верхнем этаже школы. Первое, что он увидел, была бабушка, сидевшая у изголовья. Поодаль стоял дядька Андрей Соколов. Тут же были доктор Гасовский и младший фельдшер Кукушкин. Нога была забинтована, распухла и страшно болела, так, что невозможно было повернуться.

— Ну вот, Мишенька, — сказала Елизавета Алексеевна, — видно, не судьба тебе быть военным... Господин доктор говорит, что ушиб весьма серьезный.

— А вот обойдется! — весело сказал чернявый, с лукавыми глазами фельдшер. — Перелома нет. А парень крепкий, дай Бог всякому...».

ДРОЗДОВ Иван Ефимович

Родился в 1803 году — умер в 1868 году. Штаб-лекарь, ординатор Пятигорского военного госпиталя. Лермонтов с ним познакомился в Пятигорске.

Сын Ивана Ефимовича в своих воспоминаниях — «Записках кавказца» — упоминал о том, что в 1841 году Дроздов познакомился с Лермонтовым. Но поэт за медицинской помощью к нему не обращался, ограничиваясь шуточными жалобами на беспокоивший его прыщик.

Дроздов — автор нескольких книг о Кавказских Минеральных водах.

ДУБНИЦКИЙ А. Г.

Штаб-лекарь Кавалергардского полка.

После дуэли с Барантом, находясь на гауптвахте, 20 марта 1840 года в ходе следствия Лермонтов был освидетельствован полковым штаб-лекарем Кавалергардского полка А. Г. Дубницким в присутствии членов комиссии военного суда. В свидетельстве указывается, что никаких следов или рубцов от раны, полученной Лермонтовым на дуэли, «усмотрено не было».

ДЯДЬКОВСКИЙ Иустин Евдокимович

Родился 01(12).06.1784 в Дядково Рязанской губернии — умер 22.07.(03.08).1841 в Пятигорске. Профессор Московского университета; врач, клиницист, представитель естественнонаучного материализма. Сын деревенского дьячка, благодаря блестящим способностям и настойчивости сумел стать одним из образованнейших людей своего времени.

После окончания Рязанской духовной семинарии в 1809 году поступил в московское отделение Медико-хирургической академии. В 1812 году окончил курс лекарем I отделения с серебряной медалью и был оставлен при академии адъюнктом для подготовки к профессорскому званию. Во время Отечественной войны 1812 года находился во временном военном Головинском госпитале, затем был откомандирован в Рязань, в 1813 году — в Верею, на борьбу с эпидемией холеры, за успешное окончание которой был награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

После возвращения в Москву Дядьковский защитил диссертацию (1816) «*Рассуждение о действии лекарства на человеческое тело*», получил степень доктора медицины. Адъюнкт (1817), экстраординарный профессор (1824), ординарный профессор (1830) кафедры патологии, терапии и терапевтической клиники Московской медико-хирургической академии.

В 1830—1831 годах — член Центральной комиссии по борьбе с холерой. В 1831 году назначен ординарным профессором по кафедре терапии Московского университета и директором терапевтической клиники. В это время он жил в одноэтажном особняке, во дворе дома № 19 по Брюсову переулку.

Приглашен (октябрь 1831) в Московский университет на должность ординарного профессора на кафедру патологии, терапии и терапевтической клиники, освободившуюся после смерти М. Я. Мудрова. Летом 1832 года к нему обратился заболевший на пути из Петербурга на Украину Н. В. Гоголь.

В 1836 году был вынужден уйти из университета, то ли по болезни, то ли в связи с обвинениями в материализме и подрыве религии. Два года провел на Кавказе, затем уехал за границу, затем вновь лечился на Кавказе.

Дядьковский детально разработал методику клинического обследования больного, расширил границы социально-бытового анамнеза; он одним из первых подчеркивал влияние внешней среды на организм человека. Он предложил классификацию болезней, в основу которой одним из первых положил состояние нервной системы, придавая ей большое значение в развитии патологических процессов. Считается, что его идеи о ведущей роли нервной системы в жизни организма повлияли на формирование научных взглядов И. М. Сеченова и С. П. Боткина. Дядьковский различал лечение «предохранительное», то есть профилактическое, и «восстановительное».

Одним из первых И. Е. Дядьковский предложил метод библиотерапии — исцеление посредством чтения специально подобранных книг, когда конкретному синдрому соответствует определенный текст художественной литературы.

При жизни И. Е. Дядьковский опубликовал всего 4 работы: докторскую диссертацию (1816), конспект лекций по частной терапии, трактат о холере (1831) и посо-

бие по общей терапии (1836). Посмертные издания: Сочинения. Вопросы общей патологии. — М., 1954; Избранные сочинения. — М., 1958.

Возможно, знал Лермонтова еще в годы пребывания в Московском университете; вероятной представляется их встреча в Пятигорске в 1837 году. Летом 1841 года Е. А. Арсеньева послала «гостинец внуку и письма с Дядьковским, специально едушим в Пятигорск, чтобы найти возможность уволить Лермонтова из армии по состоянию здоровья.

Письмо Н. Молчанова — В. В. Пассеку. Из Пятигорска, 27 июля 1841 года:

«Письмо мое, добрый и любезный Вадим Васильевич, встретит вас в Пятигорске, а я тем временем буду направляться в Москву. В последние дни пребывания моего здесь были весьма печальны: смерть Лермонтова, смерть нашего незабвенного Иустина Евдокимовича, все это было в последние дни.

О Лермонтове, о кончине его, вы узнаете здесь все точно. Бедный поэт! Проживи он далее, что было бы! Иустин Евдокимович привез ему от бабушки его гостинца и письма. Иустин Евдокимович сам пошел к нему и, не застав его дома, передал слуге его о себе и чтоб Лермонтов пришел к нему в дом Христофоровых. В тот же вечер мы видели Лермонтова. Он пришел к нам и все просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью спрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: «Что за умница».

На другой день поутру Лермонтов пришел звать на вечер Иустина Евдокимовича в дом Верзилиных, жена Петра Семеныча велела звать его к себе на чай. Иустин Евдокимович отговаривался за болезнью, но вечером Лермонтов его увез и поздно вечером привез обратно. Опять восторг им: «Что за человек! Экой умница, а стихи его — музыка, но тоскующая».

Через несколько дней Лермонтова убили, что Иустин Евдокимовича потрясло. Через шесть дней закрыл глаза здесь навсегда и наш незабвенный Иустин Евдокимович».

Дядьковский скоропостижно скончался при весьма странных обстоятельствах. Официальная экспертиза установила, что доктор медицины с европейским именем умер «от большой дозы принятых лекарств»! Похоронили Дядьковского на пятигорском кладбище, неподалеку от места первоначального погребения Лермонтова.

КОНРАДИ Федор Петрович

Родился в 1775 году — умер в 1848 году.

Главный врач Кавказских Минеральных Вод. Учился в лучших университетах Германии: Геттингенском, Иенском, Гальском. Получив в 1796 году звание доктора медицины, практиковал в различных городах земли Ганновер. В 1805 году приглашен в Россию — лечить князя Лопухина. Здесь он получил вторую профессию — акушера. Был избран членом научных обществ. Имел поначалу богатую частную практику, затем перешел на государственную службу. 28.10.1824 официально назначен главным врачом курортов.

Конради снискал среди больных репутацию замечательного практического врача — за лечебной помощью и советами к нему обращалось множество приезжих, и он никому не отказывал. Федор Петрович внимательно следил за использованием минеральных вод при лечении различных заболеваний. Результаты своих наблюдений он изложил в книге «Рассуждения об искусственных минеральных водах с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных источниках». Свой дом, расположенный в самом центре Пятигорска, напротив входа в «Цветник», Конради сделал центром культурной жизни города — в нем было богатое собрание картин,

музыкальные инструменты — и то и другое привлекало сюда многих приезжих, которые могли проводить здесь время интересно и содержательно. Есть неподтвержденные сведения, что гостем Конради бывал и М. Ю. Лермонтов.

ЛЕВИ Ансельм

Родился в Карлсруэ (земля Баден).

Врач, французский еврей, приглашенный Е. А. Арсеньевой в Тарханы к больному внуку, чтобы вылечить его от «худосочия и рахиты». В 1801 году поступил на медицинский факультет Эрлангенского университета. В 1804 году защитил в Геттингенском университете докторскую диссертацию о проказе. В 1819 году сдал в России экзамен на доктора. Именовал себя, на латинизированный лад, Левис. Ездил с Лермонтовым и его бабушкой в Горячеводск в 1825 году.

Аким Павлович Шан-Гирей (1818—1883) — троюродный брат Лермонтова, один из ближайших его друзей, вспоминает о Тарханах:

«...Помнится мне еще... и домашний доктор Левис, по приказанию которого нас кормили весной по утрам черным хлебом с маслом, посыпанным крессом, и не давали мяса, хотя Мишель, как мне всегда казалось, был совсем здоров...».

Леви был инициатором лечения Лермонтова на Кавказских Минеральных водах и сопровождал Арсеньеву с внуком в Горячеводск (Пятигорск) летом 1825 года. Благодаря стараниям Леви, Лермонтов из «жидкого» золотушного мальчика превратился в крепкого широкоплечего юношу.

Из воспоминаний Павла Александровича Висковатова:

«...У Столыпиных было имение «Столыпиновка», недалеко от Пятигорска... В 1825 г. поехали туда многочисленным обществом: бабушка, кузины Столыпины, доктор Ансельм Левис, Михаил Погожин, учитель Иван Капэ и гувернантка Христина Ремер — все это сопровождало Мишу...».

В 1851 году Леви получил чин титулярного советника, дававший ему права личного дворянства. Умер в возрасте около 70 лет.

МАЙЕР (МЕЙЕР) Николай Васильевич

Родился 23.09(05.10).1806 — умер 07.02.1846 в Керчи.

Знакомый Лермонтова, ставший прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери». Из семьи выходца из Вестфалии Вильгельма Мейера.

Еще подростком Н. В. Майер начал работать в канцелярии Академии наук. Затем, после смерти отца, в сентябре 1823 года он поступил вольнослушателем в Медико-хирургическую академию и закончил ее в 1828 году со званием лекаря. Прослужив некоторое время под началом генерала Инзова в южных губерниях России, он был переведен в Ставрополь врачом особых поручений в распоряжение генерала Вельяминова. Зимние месяцы Н. В. Майер проводил в Ставрополе — центре Кавказской области, а летом исполнял должность врача в Пятигорске на время летнего сезона. Именно здесь, на Кавказе, Н. В. Майер и нашел ту близкую ему по духу среду ссыльных декабристов, в которой он вращался всю жизнь и в которую позже ввел М. Ю. Лермонтова, Н. Сатина и Н. Огарева.

М. Ю. Лермонтов встретился с Н. В. Майером во время первой ссылки на Кавказ, особенно близкое знакомство состоялось летом в Пятигорске, а осенью в Ставрополе и нашло отражение в романе «Герой нашего времени». В дневнике Печорина читаем: «Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление...»

Интересную характеристику дал доктору командующий Кавказской линией и Черноморией А. Вельяминов: «Лекарь Майер во все время нахождения его при мне нико-

гда не был замечен невнимательным к исполнению своих обязанностей, и все больные, пользовавшиеся его советами, всегда отзывались о нем как о медики, отлично заботившемся о больном, деятельном и усердном, сверх сего, мне лично известно, что лекарь Майер, исполняя с отличным усердием обязанность медика, отличается при сем совершенным бескорыстием, и я имел случай удостовериться в этом...».

В облике Н. В. Майера было что-то аристократически-хрупкое, а в добрых карих глазах таилось страдание. Он пользовался большим авторитетом как врач, одинаково внимательный к богатым и бедным, русским и горцам. По воспоминаниям друзей, в его душе боролись врач-материалист и философ-мистик. «Его сердечное благородство и его потребность любви не уживалась с действительностью... чтобы не умереть с отчаяния, ему нужно было бессмертия души» (Н. Огарев).

Г. Филиппсон отмечал, что дань мистицизму отдали многие русские интеллигент-декабристы, в том числе и друг Н. В. Майера — А. Одоевский, на самого же Николая Васильевича большое влияние оказал его отец.

Николай Васильевич прекрасно владел русским, французским и немецким языками, говорил зачастую остроумно, с живостью и душевным теплом. Характер его был нервный и вспыльчивый, друзья ценили в нем искренность и честное прямодушие.

О Н. В. Майере, как о прототипе доктора Вернера, написано много, очевидно, он был настолько своеобразен и привлекателен, что многие черты его внешности, характера без изменений перенесены в роман. О встречах М. Ю. Лермонтова с доктором Майером после 1837 года и их переписке ничего не известно. Из воспоминаний Н. Сатина следует, что Николай Васильевич Майер настороженно отнесся к образу доктора Вернера и одно время был даже обижен на автора «Княжны Мери», но обида длилась недолго.

Тесная дружба связывала Н. В. Майера не только с Н. Огаревым, но и с А. Одоевским, А. Бестужевым-Марлинским, С. Палицыным, М. Назимовым, Н. Лорером и многими другими декабристами. Вне этого круга близких ему по духу людей Н. В. Майер чувствовал себя чужим и одиноком.

В последние годы жизни (с 1839 года) Н. В. Майер служил при штабе генерала Н. Н. Раевского-младшего в качестве главного доктора Восточного берега. После женитьбы на С. А. Дамберг он продолжал жить в Керчи, где его изредка навещали ставропольские друзья, в том числе декабрист Н. И. Лорер, сохранивший к доктору самые теплые чувства. Современники, вспоминая о Н. В. Майере, отмечали его «ум, огромную начитанность, живость, остроумие и душевность речи», «его сердечное благородство».

Из воспоминаний Николая Михайловича Сатина (1814—1873) — переводчик Шекспира и Байрона, учился с Лермонтовым в Московском университетском пансионе:

«...Майер был доктором при штабе генерала Вельяминова. Это был замечательно умный и образованный человек; тем не менее, он тоже не раскусил Лермонтова. Лермонтов снял с него портрет поразительно верный; но умный Майер обиделся, и, когда «Княжна Мери» была напечатана, он писал мне о Лермонтове: «Ничтожный человек, ничтожный талант!»...

...По окончании курса вод я переехал в Ставрополь зимовать, чтобы воспользоваться ранним курсом 1838 года. Я поместился с доктором Майером. Это был замечательный человек, как в физическом, так и в умственном отношении. В физическом отношении Майер был почти урод: одна нога была короче другой более чем на два вершка; лоб от лицевой линии выдавался вперед на невероятно замечательное пространство, так что голова имела вид какого-то треугольника; сверх этого он был маленького роста и чрезвычайно худощав. Тем не менее, своим умом и страстностью он возбудил любовь в одной из самых красивых женщин, г-же Мансуровой. Я

был свидетелем и поверенным этой любви. Майер, непривычный внушать любовь, был в апогее счастья! Когда она должна была ехать, он последовал за ней в Петербург, но, увы, скоро возвратился оттуда, совершенно убитый ее равнодушием.

Над 2-жой Мансуровой эта любовь или, правильнее, шутка прошла, вероятно, бесследно; но на Майера она действовала разрушительно: из веселого, остроумного, деятельного человека он сделался ленивым и раздражительным...».

Из воспоминаний Николая Ивановича Лорера (1795—1873) — декабрист, в 1837 году был переведен из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ и за отличие в боях произведен в 1840 году в прапорщики.

«...В Ставрополе познакомился я с очень ученым, умным и либеральным доктором Николаем Васильевичем Мейером, находившимся при штабе Вельяминова... Он был очень дружен с Лермонтовым, и тот целиком описал его в своем «Герое нашего времени» под именем Вернера, и так верно, что кто только знал Мейера, тот сейчас и узнавал. Мейер был в полном смысле слова умнейший и начитанный человек и, что более еще, хотя и медик, истинный христианин. Он знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами, и полезными советами. Он был друг декабристам...».

Из воспоминаний Григория Ивановича Филипсона (1809—1883) — капитан Генштаба, в 1836—1850 годах состоял в штабе войск Кавказской линии и Черноморья; автор «Воспоминаний», 1885:

«...Особенно замечателен был Н. В. Майер... зимой он жил в Ставрополе, а летом на минеральных водах. Он сделался очень известным практическим врачом; особенно на водах... Ум и огромная начитанность вместе с каким-то аристократизмом образа мыслей и манеры невольно привлекали к нему. Он прекрасно владел русским, французским и немецким языками и, когда был в духе, говорил остроумно, с живостью и душевной теплотой...».

Из воспоминаний Павла Александровича Висковатова:

«...Ум и огромная начитанность вместе с каким-то аристократизмом образа мыслей и манер невольно привлекали к нему... когда был в духе, говорил остроумно, с живостью и душевной теплотою... Небольшого роста, с огромной угловатой головой, на которой волосы стриг под гребенку, с чертами лица неправильными, худощавый и хромым — у него одна нога была короче другой — Майер несколько не был похож на тип гостиного ловеласа, но в его добрых и светлых глазах было столько ума и души... Характер его был неровный и вспльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастический оттенок его разговора навлекали ему иногда неприятности, но не лишали его ни одного из близких друзей...».

По воспоминаниям современников, Майер был человеком острого саркастического ума и многосторонних интересов; хорошо знал литературу, философию, историю. Резко критически относясь к политическому строю николаевской России, Майер сблизился со ссыльными декабристами. В 1834 году Майер был арестован по политическим подозрениям; во время следствия обнаружилось его вольнодумные письма и сведения о его антимонархических карикатурах.

Лермонтов познакомился с Майером летом 1837 года (до 10 августа) в Пятигорске; их дружеское общение продолжалось в октябре-декабре в Ставрополе. В «Княжне Мери» упоминается об окружавшем Вернера в Ставрополе «шумном круге молодежи» — намек на декабристское окружение Майера. В повести Лермонтова дан документальный портрет Майера: совпадают как внешние, так и психологические характеристики; в повести сохранены даже детали биографии (история любви Майера) и поведения Майера (привычка рисовать карикатуры).

В семье Майера хранились письма Лермонтова, которые впоследствии были утрачены.

НООД (НОД, НОТ), фон

Штабной врач на Кавказе, участник сражения при реке Валерик 11.07.1840. В этом сражении участвовал и Лермонтов, который написал впоследствии свое знаменитое стихотворение «Валерик».

Из воспоминаний Фридриха Боденштедта (1819—1892) — немецкий писатель, поэт, переводчик. С Лермонтовым познакомился в 1841 году в Москве:

«...В августе 1841 года пришло известие о смерти Лермонтова; он был застрелен на дуэли 15 июля Мартыновым, товарищем по полку, на склоне горы Машиук, вблизи Пятигорска. Газеты коротко сообщили только о самом факте. Подробно-сти я узнал позднее на Кавказе от секунданта Лермонтова Глебова и штабного врача доктора фон Ноодта...».

ОРЛОВ Василий Иванович

Родился в 1792 году — умер в 1860 году. Старший лекарь лейб-гвардии Гусарского полка, позднее — штаб-лекарь при департаменте военных поселений, сослуживец С. А. Раевского. Возможно, что в полку он общался с Лермонтовым. В 1837 году Орлов сделал для себя копию стихотворения «Смерть поэта» и в письме к Раевскому от 4 февраля просил его исправить текст.

РЕБРОВ Яков Федорович

Врач, начальник Пятигорского военного госпиталя.

Из воспоминаний Сергея Николаевича Филиппова — литератор, в последней четверти 19-го века путешествовал по Кавказу и опрашивал современников Лермонтова:

«...на другой же день после этого о соре узнал командир Волжского казачьего полка, полковник Мезенцев, живший по соседству с Лермонтовым. Мезенцев слыл другом каждого, с кем водил знакомство, и, будучи добрейшим человеком, во что бы то ни стало захотел примирить поссорившихся друзей. Он сейчас же прибег за помощью к влиятельным знакомым, в числе которых находились к Н. В. С. Голицын и доктор Ребров, консультант Лермонтова. Посоветовавшись вместе, они все решили, что, прежде всего, следует немедленно же удалить Лермонтова, хотя бы в Железноводск. Взялся за это Ребров.

Только что Лермонтов проснулся и не успел еще встать как следует с постели, к нему явился доктор. Он начал издали: спросил о здоровье, потом сосчитал пульс и, подумав, начал советовать Михаилу Юрьевичу одеваться и тотчас же ехать в Железноводск.

— У вас такое нервное расстройство, что вам ни минуты здесь нельзя оставаться.

Лермонтов просил отсрочить отъезд, но Ребров объявил ему решительно, что ежели сейчас же не будет исполнено его предписание, то он не только откажется давать ему советы и выпишет из числа своих больных, но и донесет об этом коменданту. Лермонтов, волей-неволей, подчинился, уехал в Железноводск и жил там в течение нескольких дней...».

«...Доктор Ребров... был в то время старшим врачом госпиталя, жил мизантропом, по несколько месяцев не показывался в обществе, практиковать не любил, хотя слыл за хорошего доктора. Трудно предполагать, чтобы такой человек стал вмешиваться в дела Лермонтова, и, вероятно, по своей обязанности свидетельствовал его и только, а приятелем его быть не мог...».

Из воспоминаний Николая Павловича Раевского (дата рождения неизвестна —

умер в 1889 году) — офицер Тенгинского пехотного полка, летом 1841 года жил в Пятигорске.

«...Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышет к месту сражения: крутишься, крутишься, дельце сварганишь,— ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подлас-тишься к нему, он даст свидетельство о болезни. Отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал...».

РОЖЕР Карл Христианович; НОРМАН

Из воспоминаний Александра Ивановича Арнольди (1817—1898) — корнет лейб-гвардии Гренадерского гусарского полка, куда в феврале 1838 года был переведен Лермонтов, позже встретался с ним летом 1842 года в Пятигорске; впоследствии генерал от кавалерии.

«...В то время Пятигорские минеральные воды усердно посещались русскими, так как билет на выезд за границу оплачивался 500 рублями, а в 1841 году сезон был одним из самых блестящих, и, сколько мне помнится, говорили, съехалось до 1500 семейств. Доктора Рожер, Норман, Конради и многие другие успешно занимались практикою, и я видел в Пятигорске многих людей, по-видимому, неизлечимых, кото-рые в конце курса покидали целительные воды совершенно здоровыми...».

*Николай Макаров,
Тула*

